

Научная статья

УДК 321.015

doi: 10.17223/1998863X/78/18

ЦЕНТРАЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СЛЕД ПАНДЕМИИ

Наталья Владимировна Панкевич

Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, n.pankevich@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены пространственные импликации пандемии на архитектуру управления на международном и внутригосударственном уровнях. Предпринят анализ организационных реакций государств, включая Россию, в области территориализации и деволуции полномочий, в том числе чрезвычайного характера, и их нормативного закрепления. Показано, что совокупный эффект этих действий способствует восстановлению государством своей центральности в мировой политической системе.

Ключевые слова: пандемия, национальное государство, суверенитет, деволуция, распределение полномочий

Для цитирования: Панкевич Н.В. Центральность государства в мировом политическом пространстве: след пандемии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 78. С. 215–226. doi: 10.17223/1998863X/78/18

Original article

THE STATE'S CENTRALITY IN THE GLOBAL POLITICAL SPACE: THE TRACE OF THE PANDEMIC

Natalia V. Pankevich

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation*

n.pankevich@yandex.ru

Abstract. The article considers the impact of the coronavirus pandemic on the spatial structure of the global political space. To the date, political theory in this field was dominated by the idea of the nation state gradual demise in favour of international and global regimes. The article provides empirical evidence questioning this thesis at the international and domestic levels. It discovers omnipresent collisions between the demand for a global comprehensive response to the pandemic challenge and the materiality of state-driven practices of spatial control over security competencies, territorialization industries within state domains, territorial control over population, which bring the states back into the centre of the political structure in the international arena. The article further investigates the processes of emergency power-sharing at the sub-national level. It shows that the transfer of powers (devolution) to the regional and municipal level has become a representative global trend within the pandemic. Due to this empowerment regions and municipalities get the possibility to implement both pragmatic and political agendas. Yet the political programmes stay reserved and only in rare cases provide for increasing regional political autonomy within the pandemic. The relevant experience in the Russian Federation is analyzed, it is shown that the regional variation in the response to the crisis did not lead to the politicization of the transfer of powers to the regions. The factors are identified that made it possible to avoid politicization of this process: the lack of regional legitimacy to cope with the pandemic and the lack of popular support,

infrastructural and financial deficits at regional and municipal levels. In this vein, the article proposes that powers be transferred to the subnational level endorsed for the concentration of political leadership at the level of nation states. It posits that the principal organizational trace of the pandemic is the regaining of the nation states' centrality.

Keywords: pandemic, political space, nation state, subsidiarity, distribution of powers

For citation: Pankevich, N.V. (2024) The state's centrality in the global political space: the trace of the pandemic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 78. pp. 215–226. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/78/18

Пандемия и иерархии в мировом политическом пространстве

В мае 2023 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сообщила о завершении периода пандемии как чрезвычайной ситуации международного значения¹. Глобальные кризисы имеют пространственное измерение [1], затрагивают все уровни мировой политической архитектуры и определяют возможности становления новых властных центров и иерархий.

Цель представленной статьи – рассмотреть пространственные импликации пандемии, оценить качественно ее вектор и вклад в трансформацию структуры управления на международном и внутригосударственном уровнях. В современных условиях данная проблема приобретает особую актуальность: развитие пандемии происходило в специфических условиях, когда накопленная в предыдущие десятилетия инерция стабильно рассматривалась как состояние стадийной утраты национальными государствами значимых частей своего суверенитета и центральности в мировой политической системе. Представление о глубоком кризисе суверенного государства стало одним из наиболее влиятельных рефренов политического анализа последних десятилетий (см. напр.: [2. С. 9; 3. Р. 4; 4. С. 21–22]). Важнейшим индикатором данного тренда выступала реаллокация – прагматическая передача или инициативный перехват институтами вне государства – компетенций, нормативно закрепленных за правительственными аппаратами [5. Р. 207; 6]. В своем предельном развитии данная установка позволяла выдвигать тезис о смене ключевой парадигмы в организации мирового политического пространства [7, 8].

Посткризисная ситуация позволяет по-новому оценить валидность подобного комплекса представлений о роли и месте государства на макроуровне мировой политической структуры. Исследование обращено к анализу реакций на кризис в области распределения и перераспределения властных полномочий на международном и субгосударственном уровнях. Стереотипность, повторяемость и взаимоподобие этих реакций в рамках качественно различных политических режимов и систем государственного устройства в географически отдаленных ареалах позволяют привнести новые данные о тенденциях эволюции институтов, связанных с суверенной государственно-стью в посткризисных условиях. А нормативно-правовое закрепление норм и режимов, сформированных как ответ на кризис, в основном корпусе законодательства свидетельствует о стабильности нового вектора.

Основу исследования составляет сравнительный диахронный анализ изменений в распределении полномочий и компетенций в системе уровней

¹ World Health Organization. Coronavirus disease (COVID-19) pandemic. URL: <https://www.who.int/europe/emergencies/situations/covid-19> (дата обращения 15.11.2023)

международного – государственного – субгосударственного кризисного регулирования в период пандемии. В качестве материалов использованы нормативные акты, стратегические документы, рекомендации профильных и экспертных организаций, дискуссионные материалы СМИ.

Проблематизация центральности государства в период пандемии

Если следовать логике углубления кризиса государства в связи с чрезвычайной ситуацией, то пандемия как угроза, обращенная ко всем участникам международного сообщества, прямо предполагала системное повышение политического статуса и институциональной автономии наднациональных институтов и международных организаций [9], последовательным усилением процессов детерриториализации управления [10]. При этом пространственная турбулентность затрагивала не только вопрос о конкуренции двух крупнейших подходов, по-разному концептуализирующих принципы связности мирового политического пространства – универсально-глобалистского и государствоцентричного. Кризисное перераспределение полномочий на уровне управления «ниже» государства также позволило критиковать позицию о центральности этого института, но уже из иной перспективы. Такой подход предполагает возможность становления принципиально альтернативных государству новых форматов политического управления, когда существенный объем властных полномочий перехватывается суверенизирующимися суб-национальными единицами (см. напр.: [11, 12]), и что именно на локальный уровень необходимо ориентироваться в адаптации системы управления к кризисным явлениям [13]. Примечательно, что в период пандемии между суб- и надгосударственными уровнями возникает коммуникация, способствующая взаимному усилению политического статуса и организационных возможностей минуя государство. В этом отношении показательна позиция ВОЗ, рекомендующая на передачу государственных полномочий, в том числе надзорного характера, на субгосударственный уровень¹.

Практика кризисного реагирования, однако, показала несостоятельность данной интуиции. Динамика пандемийного периода на международном уровне оказалась связана именно с резким повышением значимости собственно государственного начала [14] и практически мгновенно актуализировала способы реагирования, традиционно присущие миру государств с их ориентацией 1) на территориализацию и усиление пограничных режимов и 2) опорой на принудительные ресурсы и методы [15]. Системным преимуществом в реагировании на кризис стала способность государства к авторитарной концентрации организационного ресурса в рамках единого стратегического центра. Ограничение государствами трансграничной мобильности дополнялось усилиями по локализации стратегически важных производств

¹ Всемирная организация здравоохранения. Обновленная стратегия борьбы с COVID-19. 14.04.2020 г. С. 6, 7, 15. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-strategy-update-2020-ru.pdf?sfvrsn=29da3ba0_19 (дата обращения: 15.11.2023)

World Health Organization. Assessment of the Covid-19 Supply Chain System (CSCS) Summary Report. 26/02/2021. P. 12. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/21_02_26-cscs_assessment_summary-written-report-.pdf?sfvrsn=f9223994_7&download=true (дата обращения: 15.11.2023)

(медицинских субстанций, препаратов, оборудования, расходных материалов) и усилению контроля над цепочками производства внутри национальных границ. Усиление армейских структур, пограничных и полицейских служб, органов, уполномоченных в рамках государственной формы на реализацию чрезвычайных функций, стали стандартной стратегией реагирования государств даже в ущерб заявленным ранее стратегиям и ценностям наднационального пространственного и политического единства [16].

Свидетельством актуализации государственного организационного начала стал также обратный трансфер полномочий из наднациональных структур, ярким примером которого на пике пандемии стал конфликт США и ВОЗ, приведший к временному разрыву отношений. Иными словами, вопреки логике дальнейшей утраты государствами центральности, на международном уровне кризис пандемии создал существенные предпосылки для укрепления институтов, связанных с принципом суверенной государственности как центра антикризисного реагирования.

Пандемия и деволюция

Усиление управленческих институтов регионального и местного уровней, которое приобрело глобальный масштаб, стало еще более примечательной чертой пандемийного периода. Дополнительные полномочия передавались в регионы и муниципалитеты стран из разных регионов, характеризующихся отличными друг от друга социально-экономическими условиями, системами здравоохранения и политическими режимами [17]. Важно, что в их числе и те компоненты, которые традиционно входят в состав монополии государства на средства принуждения и конституционно фиксируются за центральным (федеральным, в соответствующих государствах) уровнем управления. В момент пандемии субгосударственные органы во всех частях мира оказались наделены полномочиями ограничивать ключевые права, прежде всего, право на свободу перемещения, и вследствие этого – доступ к рынку труда, образованию, сфере культуры и досуга. На субгосударственный уровень передавалось усмотрение о необходимости установления временных внутригосударственных границ. Здесь же было локализовано право объявления специальных ограничительных режимов (чрезвычайной ситуации, локдауна, карантина, самоизоляции, комендантского часа, введение и отмена масочного режима и др.).

Распространенность такой стратегии позволяет характеризовать данный процесс как системно значимый для мировой политической системы тренд, фиксирующий региональное и местное лидерство в противодействии кризису, защиты местных и региональных сообществ в целом и отдельных, наиболее подверженных риску групп, в их составах. При этом ряд исследований приходит к однозначному выводу о том, что государства, где деволюция приобретает системное качество, способны генерировать более быстрый, эффективный и комплексный ответ на кризисную ситуацию, поскольку создают разветвленную и готовую к реагированию структуру, включающую постоянные ресурсно и нормативно обеспеченные для самостоятельного действия институты [18].

Потенциально в меняющемся политическом ландшафте данный процесс действительно предоставляет новые возможности для силовых размежеваний

между центром и регионами, становления и отвердения новых форматов властной дисперсии. Поэтому для оценки перспектив становления новых форматов властной дисперсии важно оценить распространенность и устойчивость эффектов индивидуализации региональных программ борьбы с эпидемией, когда отдельный регион реализует собственные стратегии в противовес центральным.

Например, в Великобритании длительно устремленная к независимости Шотландия не просто сформировала в целом наиболее жесткий с точки ограничения прав граждан режим, но и в рамках этого режима самостоятельно определяла внешнеполитические компоненты борьбы с распространением коронавируса¹. В частности, регион сам нормировал правила въезда для граждан из различных стран, что в условиях фактического единства территории страны было как минимум нефункционально. Очевидно, подобная позиция могла быть мотивирована исключительно политически, и попытка «вести конституционные игры»² решала не только собственно вопросы реагирования на вызов пандемии, но также преследовала параллельно существующие и не связанные с ней цели суверенизации.

Однако на фоне глобальных процессов подобные явления принадлежат скорее к разряду исключений. Хотя практическая реализация антикризисных полномочий на уровнях «ниже» государства, очевидно, является примером разрыва с нормативом единства государственного правового пространства, в административной прагматике чрезвычайной ситуации, для реализации публично значимых целей такие девиации политически безопасны и в огромном большинстве случаев функциональны. Наиболее распространенной целью становится не достижение собственно политической автономии, сколько прагматика наращивания ресурсной обеспеченности местных сообществ, которые таким образом, в ходе пандемии, переориентируют систему государственных финансов для компенсации несовершенств сложившихся моделей общественного здравоохранения в кризисной ситуации – материального обеспечения больниц и стационаров, оплаты труда медработников, создания новых объектов здравоохранения.

Реализация данной цели определенно не предполагает радикальную трансформацию существующего формата пространственной властной дисперсии. Адаптационные изменения, такие как переориентация налоговой и бюджетной системы на более децентрализованный формат, возможны именно в рамках государственности (см. напр.: [19, 20]). В этом смысле показателен опыт функционирования системы кооперативного федерализма в Германии. Непосредственно накануне пандемии здесь всерьез обсуждалась перспектива централизации системы здравоохранения при сокращении более чем половины больничных учреждений по причине их недостаточной эффективности³. Однако вновь принятая национальная стратегия борьбы с панде-

¹ The Economist. Devolution has become less dysfunctional during the pandemic. 06.06.2020. URL: <https://www.economist.com/britain/2020/06/06/devolution-has-become-less-dysfunctional-during-the-pandemic> (дата обращения: 15.11.2023)

² BBC. Campbell G. Why doesn't Scotland have tougher Covid measures? 16.12.2021. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-59673321> (дата обращения: 15.11.2023)

³ Bocken J. Eine bessere Versorgung ist nur mit halb so vielen Kliniken möglich, Bertelsmann Stiftung, 15.07.2019. URL: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/themen/aktuelle-meldungen/2019/juli/eine-bessere-versorgung-ist-nur-mit-halb-so-vielen-kliniken-moeglich/> (дата обращения: 15.11.2023)

мией, напротив, снова опиралась на локализацию финансовых и организационных ресурсов на субгосударственном уровне¹.

Отсутствие регионального оппортунизма в межуровневом взаимодействии является положительным индикатором сохранения центральности управления на уровне государства. В условиях пандемии на первый план выходит процесс деволуции. Этот процесс качественно отличен от регионализации или децентрализации государственного управления, в ходе которого возникают территориальные ответвления центральных и органов институтов, непосредственно им подчиненные. Но также отличен он и от федерализации, при которой субгосударственные уровни приобретают гарантированную институциональную автономию и, как следствие, способность к самостоятельному политическому действию. Таким образом, деволуция реально обеспечивает повышение системного статуса региональных институтов, наделение их полномочиями, которые они реализуют в режимах собственной дискреции. Но принципиально в данном случае и то, что данный процесс не проблематизирует государственный суверенитет и не имеет целью обеспечить собственно политическую автономию субнациональных акторов. Иными словами, качество данного процесса не позволяет говорить о становлении альтернативных государству организационных форм.

Центр и регионы в российском опыте борьбы с пандемией

Деволуция полномочий по кризисному регулированию проявила себя и России, причем во многом в противоположность магистральным направлениям развития федеративной системы страны в ключе централизации. Уже в начале пандемии президент России передал важные полномочия на уровень субъектов Федерации, объяснив это необходимостью учета региональной и местной специфики в территориально протяженной и неравномерно развитой стране².

Последовательное оснащение региональных органов власти правовым инструментом стало важным компонентом антикризисного управления. На уровень исполнительных органов (глав регионов) были переданы и далее продлены полномочия определять состав территорий, на которых будут действовать ограничительные меры, регулировать режим работы предприятий и организаций, устанавливать режим и сроки действия специальных условий мобильности граждан³. В пределах своей территориальной доступности и

¹ Robert Koch Institut. Ergänzung zum Nationalen Pandemieplan – COVID-19 – neuartige Coronaviruserkrankung Berlin: 2020.

URL:
https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges_Coronavirus/Ergaenzung_Pandemieplan_Covid.html
(дата обращения: 15.11.2023)

² РБК. Путин предоставил губернаторам дополнительные полномочия. 02.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2020/5e85f0679a7947ff5f78ee35?ysclid=l42b6w9heq> (дата обращения: 15.11.2023)

³ Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45401> (дата обращения: 15.05.2023);

Указ Президента РФ от 11.05.2020 г. № 316 Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45513> (дата обращения: 15.11.2023)

подведомственности субъекты Федерации могли инициативно выбирать наиболее уместные управленческие стратегии [21. С. 76]. Результатом стало замещение единственного режима реагирования национального уровня более чем восьмью десятками региональных.

Региональный опыт борьбы с пандемией показал достаточно большую вариацию как во временном измерении установления ограничений, так и с точки зрения реального охвата отдельных секторов экономики и сегментов населения. Разнилась и инструментальная составляющая региональных антикризисных программ, различным образом применялись средства технического контроля (например, блокирование проездных документов на общественный транспорт, применение QR-кодирования и др.).

Возможно предположить, что объективная ситуация дала региональным властям шанс на реализацию политических стратегий, связанных с торгом с федеральным центром по поводу дополнительных полномочий и ресурсов, правовое закрепление новых форматов властной дисперсии и т.д. Подобный сценарий не был реализован.

В оценке феномена обращает на себя внимание крайне низкий уровень легитимности и общественной поддержки самостоятельных действий региональных и муниципальных властей, готовности к реализации кооперативных стратегий со стороны населения [22]. Свидетельством тому стал рост петиционной активности граждан, а также подача коллективных исков в судебные инстанции, волна которых затронула все регионы страны¹. Действия региональных регуляторов оценивались как избыточные, за пределами своей компетенции. Происходила широкая апелляция к конституционным нормам о том, что лишь федеральный законодатель уполномочен производить ограничение прав граждан и только на основе федерального закона².

Направленность требований граждан обнажает очевидный дефицит социальной опоры субнациональных образований в качестве потенциально самостоятельных акторов политического поля. Весьма показательным, что в восполнении дефицита легитимности регионам пришлось полагаться именно на федеральный центр. Упомянутые указы неслучайно легитимируют антикризисный мандат регионов в реализации полномочий президента как гаранта прав и свобод человека и гражданина согласно статье 80 Конституции РФ. Обеспечение легитимности действий регионов потребовало поддержки и со стороны Конституционного суда РФ. В своем Постановлении³ Суд усмотрел обоснованность выбора правовых средств и действий региональных властей по ограничению мобильности, в том числе в экстраординарном характере региональных норм, наличии компенсирующих механизмов, установленных на федеральном уровне (введение выходных дней исключало неразрешимую коллизию между требованиями регионального штаба о самоизоляции гражданина и требованиями трудового законодательства), а также в единстве пространства государственной власти РФ (субъектом ограничения прав был

¹ Шмидт А. «Шансов у заявителей нет». Почему в регионах хотят судиться из-за QR-кодов. 13.11.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/12/14197627.shtml?updated> (дата обращения: 15.11.2023).

² Конституция РФ, п. 3. ст. 55.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 г. № 49-П.

назван не уровень государственной власти, а государство в целом). В совокупности подобная трактовка определяет легитимность чрезвычайных полномочий, переданных региону, в качестве производной от легитимности его как ответвления государства, власть которого имеет целостный, неделимый характер и не предполагает самостоятельной позиции региона в политическом измерении.

Следует обратить внимание и на институциональный контекст передачи полномочий на нижний уровень. Он осуществлялся в рамках единой системы государственной власти и, во-первых, затрагивал преимущественно исполнительную ветвь региональной власти. Чрезвычайные полномочия получали главы регионов. А, во-вторых, региональный компонент политического решения при любых обстоятельствах уравнивался представительством и участием органов собственно федерального уровня в разработке антикризисных мер. Решения региональных властей о введении тех или иных мер были нормативно увязаны и должны были опираться на экспертный опыт руководителей службы санитарно-эпидемиологического надзора, которая институционально и нормативно функционирует как «единая государственная централизованная система»¹.

Нельзя сказать, что подобное положение специфично только для России. Пандемийный опыт других государств свидетельствует о стереотипном характере реагирования центральных властей на кризис. Так, например, в Канаде основной объем выработки региональных мер по купированию кризиса приходился на исполнительные органы системы здравоохранения, но практически не включал органы, осуществляющие законодательные функции.

Важен и тот факт, что пандемия в глобальном измерении сократила ресурсную базу всех субнациональных правительственных институтов (как региональных, так и муниципальных). Особенно это было значимо именно для традиционно более децентрализованных систем, где субнациональные единицы изначально располагали большей бюджетной самостоятельностью. В результате передаваемые полномочия практически нигде в мире не были обеспечены ни финансово, ни организационно за счет собственно местных ресурсов. Именно поэтому и в благополучных, и в полностью зависимых местных сообществах деволуция означала главным образом восполнение выбывающего ресурса и не могла вести к конкуренции субнациональных единиц с государством за примат в политическом пространстве.

Наконец, еще одним вектором в кризисе пандемии стало возрастание объема и значимости действия негосударственных акторов, направленного на сглаживание последствий пандемии, защиту и поддержку наименее защищенных групп. Российский опыт обнаружил высокий потенциал кооперации волонтерского движения, социально ориентированных некоммерческих организаций и социальных предпринимателей с государственными структурами. Масштабная поддержка государством действия подобных инициатив также создала предпосылки скорее для заполнения государственным контролем данной области общественных отношений, чем для становления внегосударственных центров кризисного регулирования.

¹ Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022), п. 1 ст. 46.

Заключение

Кризис пандемии стал испытанием на прочность не только для систем национальных здравоохранения и социального обеспечения, но и самого института государства как ключевого центра купирования масштабных угроз.

В предыдущее десятилетие ситуация предполагаемого «упадка» государства позволяла ставить вопрос о возникновении множественности доминирующих нормативных порядков и о постоянном численном росте возможных институциональных и нормативных режимов в рамках этой множественности. Кризис внес в эту динамику новые перспективы, не только не ведущие к ослаблению, но скорее к возможности крупного реванша в центральности институтов национально-государственного характера. На фоне пандемии международное сообщество вновь обратилось к рациональности территориализации общественной жизни и управления в рамках суверенных государственных юрисдикций. Сегодня этот процесс демонстрирует восходящую динамику и результирует в системный кризис уже международных институтов во множестве функциональных областей, включая, но не ограничиваясь здравоохранением.

В свою очередь на субгосударственном уровне вопреки логике возрастания политического веса вместе с ростом номенклатуры полномочий и ресурсной обеспеченности деволюция также вносит вклад не в расшатывание государственного суверенитета, но скорее свидетельствует о более полном освоении и институциональном заполнении государством своего внутреннего пространства. В условиях пандемии субгосударственные уровни управления – регионы и муниципалитеты – реализуют преимущественно прагматические задачи, встраиваясь в стандартные иерархии публичной власти. Инициативные политические стратегии региональных акторов, направленные на суверенизацию, являются скорее исключением из общей логики процесса огосударствления внутривнутриполитического пространства.

В этом случае деволюция полномочий ведет не к децентрализации системы государственного управления, и тем более не к суверенизации субгосударственных институтов. Основным результатом подобной передачи полномочий по инициативе правительственных центров государств становится более разветвленная система государственного управления, плотнее охватывающая внутривнутриполитическое пространство. Исходя из российского опыта, данная техника имеет преимущества адресного и более точного реагирования на местную специфику. Не случайно во время спецоперации новый объем полномочий по защите населения и его отдельных групп был вновь передан именно на региональный уровень¹.

Следует отметить также, что в ходе кризиса пандемии фиксировалась возможность повышения политической значимости негосударственных акторов, занятых в области социальной поддержки населения, взаимопомощи и социально ориентированной деятельности. Но и в этой области возникли зримые предпосылки к колонизации государственными органами данного

¹ Указ Президента РФ от 16.03.2022 г. № 121. О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47651> (дата обращения 15.11.2023)

сектора общественной жизни, его интеграции в общую систему государственного публичного управления.

В свете кризиса пандемии ответ вопрос о том, может ли «государству наследовать какая-либо работающая нормативная или эмпирическая модель» [23. Р. 25–26], снова приобретает выраженную негативную окраску. В результате кризиса институт государственности вновь укрепляет свои позиции как ключевой институт мировой политической системы, восстанавливая свой ресурс территориальной эксклюзивности и внутривластной монополии правительственных центров на нормирование общественной жизни и административный контроль.

Список источников

1. Knoblauch H., Löw M. The Re-Figuration of Spaces and Refigured Modernity – Concept and Diagnosis // *Historical Social Research*. 2020. Vol. 45, № 2. P. 263–292. doi: 10.12759/hsr.45.2020.2.263-292
2. Кремельд М. Расцвет и упадок государства. М.: Ирисэн, 2006. 544 с.
3. Strange S. *The Retreat of the State, The Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge University Press, 1996. 218 p.
4. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Прогресс-Традиция: Территория будущего, 2007. 460 с.
5. Scheuermann W.E. The Center Cannot Hold // *Nomos*. 2009. Vol. 49. P. 205–218.
6. *Sovereignty in a Shared Legal Order: Core Values of Regulation and Enforcement* / eds. M. Luchtman, M. Scholten. Cambridge; Antwerp; Portland: Iteresentia Publishing, 2015, 336 p.
7. Appadurai A. Sovereignty without Territoriality: Notes for a Post-national geography // *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture* / eds. S.M. Low, D. Lawrence-Zuniga. Oxford, UK: Blackwell, 2003. P. 337–349.
8. Buxbaum H.L. National Jurisdiction and global Business Networks // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2010. 17. P. 165–170.
9. Lall R. Beyond Institutional Design: Explaining the Performance of International Organizations // *International Organization*. 2017. Vol. 71, № 2. P. 245–280. doi: 10.1017/S0020818317000066
10. Medeiros E., Ramírez M.G., Ocskay G., Peyrony J. Covidfencing effects on cross-border deterritorialism: the case of Europe // *European Planning Studies*. 2021. Vol. 29, № 5. P. 962–982. doi: 10.1080/09654313.2020.1818185
11. Панкевич Н.В. Местное самоуправление в системе государственной власти // *Полис. Политические исследования*. 2016. 2. С. 62–77. doi: 10.17976/jpps/2016.02.06
12. Hennig A. The spatial dimension of coronavirus crisis management and the role of subnational actors in the German–Polish border region // *European Societies*. 2021. Vol. 23 (Supl. 1). P. 859–871. doi: 10.1080/14616696.2020.1846065
13. Туманов А.Д. Анализ факторов формирования современной системы политического управления: глобальный, региональный и локальный уровни // *Управленческое консультирование*. 2021. № 7. С. 107–115. doi: 10.22394/1726-1139-2021-7-107-115
14. Wilson L., Hamwi S., Zanni F., Lomazzi M. Global public health policies: gathering public health associations' perspectives // *Global Health Action*. 2023. Vol. 16, № 1. doi: 10.1080/16549716.2023.2183596
15. Opilowska E. The Covid-19 crisis: the end of a borderless Europe? // *European Societies*. 2021. Vol. 23 (Supl. 1). P. 589–600. doi: 10.1080/14616696.2020.1833065
16. Панкевич Н.В., Руденко В.В. Политические и правовые ценности на уровне Европейского Союза и его стран-участниц: имеет ли пандемия Covid-19 трансформирующий потенциал? // *Антиномии*. 2021. № 3. С. 55–80. doi: 10.17506/26867206_2021_21_3_55
17. Артеев С.П. COVID-субсидиарность как новый политический феномен // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. Vol. 15, № 1. С. 111–125. doi: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-111-125
18. Shvetsova O., VanDusky-Allen J., Zhirnov A., Adeel A.B., Catalano M., Catalano O., Giannelli F., Muftuoglu E., Rosenberg D., Sezgin M.H., Zhao T. Federal Institutions and Strategic Policy Responses to COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Political Science*. 2021. doi: 10.3389/fpos.2021.631363

19. Adeel A.B., Catalano M., Catalano O., Gibson G., Muftuoglu E., Riggs T., Sezgin, M.H., Shvetsova O.V., Tahir N., VanDusky-Allen J.A., Zhao T., Zhirnov A. COVID-19 Policy Response and the Rise of the Sub-National Governments // *Canadian Public Policy*. 2020. 46. P. 565–584. doi: 10.3138/cpp.2020-101
20. Béland D., Lecours A., Paquet M., Tombe T. A Critical Juncture in Fiscal Federalism? Canada's Response to COVID-19 // *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique*. 2020. Vol. 53, № 2. P. 239–243. <https://doi.org/10.1017/s0008423920000323>
21. Зенин С.С. Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов публичной власти в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Lex Russica*. 2021. Т. 74, № 7. С. 73–84. doi: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.073-084
22. Панкевич Н.В., Руденко В.В. Самоизоляция как правовой режим: опыт России // *Правовый порядок: история, теория, практика*. 2021. № 2. С. 16–23.
23. Zürn M., Leibfried S. *Transformations of the State?* Cambridge University Press, 2005. 224 p.

References

1. Knoblauch, H. & Löw, M. (2020) The Re-Figuration of Spaces and Refigured Modernity – Concept and Diagnosis. *Historical Social Research*. 45(2). pp. 263–292. doi: 10.12759/hsr.45.2020.2.263-292
2. Crevelde, M. (1999) *The Rise and Decline of the State*. Cambridge University Press.
3. Strange, S. (1996) *The Retreat of the State, The Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge University Press.
4. Beck, U. (2002) *Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter: neue weltpolitische Ökonomie*. Suhrkamp.
5. Scheuermann, W.E. (2009) The Center Cannot Hold. *Nomos*. 49. pp. 205–218.
6. Luchtman, M. & Scholten, M. (eds) (2015) *Sovereignty in a Shared Legal Order: core values of Regulation and Enforcement*. Cambridge-Antwerp-Portland: Iteresentia Publishing.
7. Appadurai, A. (2003) *Sovereignty without Territoriality: Notes for a Post-national Geography*. In: Low, S.M. & Lawrence-Zuniga, D. (eds) *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture*. Oxford, UK: Blackwell. pp. 337–349.
8. Buxbaum, H.L. (2010) National Jurisdiction and global Business Networks. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 17. pp. 165–170.
9. Lall, R. (2017) Beyond Institutional Design: Explaining the Performance of International Organizations. *International Organization*. 71(2). pp. 245–280. doi: 10.1017/S0020818317000066
10. Medeiros, E., Ramirez, M.G., Ocskay, G. & Peyrony, J. (2021) Covidfencing effects on cross-border deterritorialism: The case of Europe. *European Planning Studies*. 29(5). pp. 962–982. doi: 10.1080/09654313.2020.1818185
11. Pankevich, N. (2015) Local Self-government in a State Authority System. *Polis*. 2. pp. 62–77. (In Russian). doi: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.02.06>
12. Hennig, A. (2021) The spatial dimension of coronavirus crisis management and the role of subnational actors in the German–Polish border region. *European Societies*. 23(sup.1). pp. 859–871. doi: 10.1080/14616696.2020.1846065
13. Tumanov, A.D. (2021) The analysis of factors of formation of the modern system of political governance: Global, regional and local levels. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 7. pp. 107–115. (In Russian). doi: 10.22394/1726-1139-2021-7-107-115
14. Wilson, L., Hamwi, S., Zanni, F. & Lomazzi, M. (2023) Global public health policies: gathering public health associations' perspectives. *Global Health Action*. 16(1). doi: 10.1080/16549716.2023.2183596
15. Opłowska, E. (2021) The Covid-19 crisis: the end of a borderless Europe? *European Societies*. 23(sup. 1). pp. 589–600. doi: 10.1080/14616696.2020.1833065
16. Pankevich, N.V. & Rudenko, V.V. (2021) Political and legal values of the European Union and its Member States: Does the Covid-19 Pandemic have transformative potential. *Antinomii – Antinomies*. 3. pp. 55–80. (In Russian). doi: 10.17506/26867206_2021_21_3_55
17. Arteev, S.P. (2022) COVID-subsidiarnost' kak novyy politicheskiy fenomen [COVID-Subsidiarity as a New Political Phenomenon]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 15(1). pp. 111–125. doi: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-111-125
18. Shvetsova, O., VanDusky-Allen, J., Zhirnov, A., Adeel, A.B., Catalano, M., Catalano, O., Giannelli, F., Muftuoglu, E., Rosenberg, D., Sezgin, M.H. & Zhao, T. (2021) Federal Institutions and

Strategic Policy Responses to COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Political Science*. DOI: 3:631363. doi: 10.3389/fpos.2021.631363

19. Adeel, A.B., Catalano, M., Catalano, O., Gibson, G., Muftuoglu, E., Riggs, T., Sezgin, M.H., Shvetsova, O.V., Tahir, N., VanDusky-Allen, J.A., Zhao, T. & Zhirmov, A. (2020) COVID-19 Policy Response and the Rise of the Sub-National Governments. *Canadian Public Policy*. 46. pp. 565–584. doi: 10.3138/cpp.2020-101

20. Béland, D., Lecours, A., Paquet, M. & Tombe, T.A. (2020) Critical Juncture in Fiscal Federalism? Canada's Response to COVID-19. *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique*. 53(2). pp. 239–243. doi: <https://doi.org/10.1017/s0008423920000323>

21. Zenin, S.S. (2021) Regulatory and Legal Support for the Activities of Public Authorities in the context of a New Coronavirus Infection (COVID-19) Pandemic. *Lex Russica*. 74(7). pp. 73–84. (In Russian). doi: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.073-084

22. Pankevich, N.V. & Rudenko, V.V. (2021) Self-Isolation as a Legal Regime: The Russian Experience. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Legal Order: History, Theory, Practice*. 2(29). pp. 16–23. (In Russian).

23. Zürn, M. & Leibfried, S. (2005) *Transformations of the State?* Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

Панкевич Н.В. – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pankevich N.V. – Cand. Sci. (Political Science), docent; senior research fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: n.pankevich@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022;
одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 15.04.2024

The article was submitted 08.06.2022;
approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 15.04.2024